

В НОМЕРЕ:

Слово о Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и <i>лоивановцах</i> (Т. И. Султанов)	5
--	---

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдиев. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале	8
Т. А. Аникеева. Вольфрам Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании В. Эберхарда по тюркскому эпосу.	14
М. Е. Dubrovina. Graphemes for vowel expression in the ancient turkic runic script.	20
Д. Коç, К. Yıldırım. The Word 'Tatar' in Various Forms in Chinese Sources	23
И. В. Кормушин. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера.	26
А. А. Туранская. "Uigurische Sprachdenkmäler" В. В. Радлова: конкорданс	30
Ф. Г. Хисамитдинова. С. Г. Кляшторный и представления башкир о божествах и божественных силах Нижнего мира	39
А. Ш. Юсупова. Учебные словари татарского языка XIX в.	44
Т. И. Юсупова. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты	49

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Л. С. Дампилова, Д. Наранцэцэг. Символический язык шаманских песнопений бурят России и Монголии.	54
Ю. И. Дробышев. Образ Чингис-хана в средневековых европейских источниках	59
А. Мөнх-Оргил. Романтизм в творчестве монгольского писателя и драматурга Л. Вангана (1920–1968)	71
Д. А. Носов, Сэцэнбат. Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии	76
В. З. Церенов. Изображение ворона на шлеме Хонгора, героя эпоса «Джангар»	82

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Ю. А. Боев. О переводах тайской литературы в СССР и России	89
О. В. Лундышева. Фрагмент связанного с грешными деяниями Девадатты древнеуйгурского текста из коллекции ИВР РАН	98

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. Арванити, Ю. В. Кузьмин. Рец. на: <i>Полянская О. Н.</i> Монголоведение в России первой половины XIX века: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2019. 321 с.	106
Т. Д. Скрынникова. Рец. на: <i>Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В.</i> Буддийский монастырь Аблай-хит / науч. ред. Д. А. Воякин. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с., ил. ISBN 978-601-7253-19-6.	107
Ж. М. Юша. Фольклорные традиции бурят Китая. Рец. на: <i>Цыбикова Б-Х. Б.</i> Фольклор шэнэханских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.	108

Ю. А. Боев

О переводах тайской литературы в СССР и России

DOI 10.25882/s0fn-qz11

© Ю. А. Боев, 2020

Статья знакомит читателя с немногочисленными переводами тайской литературы на русский язык, начиная с советских времен по сегодняшний день. В статье исследуются причины, по которым остросоциальная проза отдельных писателей все же была представлена читателям, а также позиция советских ученых по вопросу современной тайской литературы в целом.

Автор анализирует эти переводные произведения, биографии и творчество некоторых тайских писателей. Особое внимание уделяется недавно переведенному на русский язык произведению «Дети Исана» Кхампхуна Бунтхави — прозы, свободной от идеологической прививки советского времени и интересной с востоковедческой стороны.

Ключевые слова: Таиланд, литература, история, переводы.

Боев Юрий Александрович — специалист, выпускник ИВКА РГГУ.
petal-violet@yandex.ru

В послевоенный период советского времени активно переводилась на русский язык проза и поэзия стран Азии и Африки. Читателю приоткрыли неизведанные миры загадочных стран, охваченных одной и той же проблемой двадцатого века — борьбой за освобождение от колонизации империалистическими державами. Именно в таком ракурсе он мог посмотреть на культурные ценности, общество и быт неизвестных государств. Среди стран Юго-Восточной Азии особенно широко были представлены переводы бирманских и вьетнамских писателей, которых сегодня, к сожалению, больше не слышно ни в России, ни в мире, потому что их произведения не снискали литературных наград. Произведений новейшей литературы этого региона в России также не представлено.

Тайская литература в советское время практически не переводилась. На то были свои причины. Веками литературой в этой стране занимались придворные поэты ради воспевания величия королей и услаждения их слуха. В центре внимания поэтов были эпические произведения, чье авторство либо анонимно, либо коллективно, всенародно, как, например, «Рамакиен» (местное переложение легендарной «Рамаяны»), «Инао» (по мотивам яванской поэмы), «Пхра Ло» (лаосский эпос о трагической любви принца и двух сестер-принцесс на фоне межземельных распрей). Поэты развивали в своем творчестве знакомые классические сюжеты, большинство из которых бы-

ли заимствованы. По мотивам эпосов короли также создавали собственные интерпретации и устраивали театральные постановки на отдельные эпизоды. Особое место в Таиланде занимает буддийская литература — джатаки (притчи о земных перевоплощениях Будды) и сказания, переведенные с древнеиндийских языков. Королевский и буддийский институты тесно переплетались в тайской культурной традиции. Ни монархический, ни религиозный характер литературы не мог вписаться в орбиту интересов советской идеологии при выборе зарубежных произведений, актуальных для перевода. Социальная проза, как и проза вообще, — явление весьма молодое в тайской литературе — появилась ближе к середине XX в. Впервые литература отходит от мифических, эпических и королевских персонажей, погружаясь в реальность и затрагивая тему простого народа.

Первым переводом тайской литературы на русский язык стал роман писателя *Сибурара* (настоящее имя Кулап Сайпрадит (1905–1974)) «Лицом в будущее», выпущенный в 1958 г. «Издательством иностранной литературы». Автор получил юридическое образование в крупнейшем университете Бангкока — Тхаммасат. Знание английского языка позволило ему познакомиться с западной публицистикой и попрактиковаться в переводе европейской прозы, что повлияло не только на становление его как журналиста, но и на формирование демократических взглядов. Сибурара строит успешную журналист-

скую карьеру, его приглашают редактором в периодические издания. Он приводит с собой единомышленников — друзей, с которыми когда-то выпускал периодический журнал «Джентльмены», — и формирует редакторский коллектив, шутливо называвшийся «Коллегия джентльменов». Газета «Политика Бангкока», где он вступил в должность главного редактора в 1930 г., снискала широкий читательский интерес благодаря грамотной работе Сибурапы. Однако его памфлеты на чиновников вызвали недовольство последних, что и стало причиной его увольнения спустя лишь три месяца после начала работы. Автор не остался без работы, но первая же его публикация в газете «Си Крунг» под многозначительным названием «Человеческий облик» с обличением несправедливости чиновников повлекла за собой громкий скандал. Газету закрыли.

Учеба в Австралии в 1947 г., наблюдения за западным обществом открыли писателю глаза на другой уровень жизни и человеческий статус, по сравнению с которыми родина показалась очень отсталой и подавленной феодальными пережитками. Проблема поиска демократических свобод, желание примерить их на тогдашнее тайское общество находят место в его писательском и журналистском творчестве.

Автор начинает борьбу против подавления свободы слова и, заручившись поддержкой коллег, выступает с протестом и требует создать независимую комиссию по защите прав и свобод прессы от давления со стороны власти имущих. 10 ноября 1952 г. за антиправительственную акцию «в защиту мира» против Сибурапы выдвинули обвинение в организации народного восстания с разжиганием межнациональной розни. Это приводит к его аресту и тюремному заключению сроком на 13 лет, из которых он пробыл в тюрьме 5, после чего был освобожден в 1957 г. по амнистии.

В 1957 Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (позже Союз Советских обществ дружбы) пригласило писателя посетить Россию в связи с празднованием 40-й годовщины Октябрьской революции. Так наша страна познакомилась с иноземным автором, что во многом стимулировало перевод первого произведения современной тайской литературы на русский язык востоковедом Л. Н. Моревым, который позднее стал составителем «Тайско-русского словаря», увидевшего свет в 1964 г. (это было единственное в нашей стране издание).

Произведение «Лицом в будущее», написанное в начале пятидесятых годов, — это размышление о переменах в тайском обществе после государственного переворота 1932 г. В тот год была подписана временная Конституция, сформировались первый парламент и первое правительство. Общество поделилось на левых и правых, волнения нарастали, начались забастовки. Отношения между королевской властью, терявшей авторитет, и правительством все больше усложнялись. В феврале 1934 г. король Рама VII отрекся от престола, отправился в путешест-

вие в Великобританию и спустя какое-то время отказался возвращаться в Таиланд [Берзин, 1973. С. 234]. Король не оставил наследников — после его отречения трон оказался пуст, что воспринималось как осиротение королевства, утрата государственности. Для тайского общества, выражаясь образно, это было равносильно сносу многовекового дерева Бодхи, служившего укрытием от раскаленного солнца. Возможно, последствия этой бескровной революции подействовали на общество куда болезненнее, чем варварское свержение монархии в России. Хоть тайцы внешне и кажутся по-буддийски невозмутимыми, но психологически они хрупки и, в отличие от русских, сверхранимы.

Большая часть словесной ткани произведения «Лицом в будущее» — это скорее рассуждения и переживания автора, нежели диалоги героев. Первая глава, с одной стороны, выполняет функцию прелюдии, но, с другой стороны, не совсем гармонично сочетается с дальнейшими событиями. Читатель сразу погружается во внутренний мир безымянного Учителя, линия которого не получает продолжения в тексте. Это думы Учителя о времени, о пришедших переменах, сложности адаптации к ним, сложности морального выбора. Перед Учителем встает дилемма: на одной чаше весов уважение к королевским особам, их непререкаемый авторитет, на другой — сострадание к обделенным детям, которые имеют право на лучшую жизнь.

Это краткое произведение о социальном расслоении на примере привилегированной школы в Бангкоке, где некогда учились только дети высокопоставленных господ, но благодаря переменам двери школы распахнулись перед простыми смертными. Автор затрагивает проблему получения образования в Таиланде, его малодоступности для необеспеченных людей.

В те времена, когда Сиам уже соприкоснулся с западными империями, их системой взглядов и подходом к университетскому обучению, образование стоило дорого, было по карману только богатым, да и те предпочитали учиться в Европе, а затем возвращаться на родину. Деревенские дети учились в школах при буддийских храмах, где их просвещали лишь с религиозно-этической стороны. Подобная программа слабо вяжется с нашими представлениями о хорошем образовании, а буддийский храм служит институтом социализации, с детства закладывающий основы морали и нравственности. Деревенское население веками не получало обучения, да и не сказать, что особенно рьяно стремилось к знаниям.

Автор не писал главного героя с себя, но вполне мог использовать в создании персонажей судьбы знакомых людей. Он сочувствует необеспеченным, но способным ребяташкам, желающим учиться и не имеющим такой возможности в силу беднежьи и необходимости помогать родителям. По мнению писателя, люди не рождаются дурными и невежествен-

ными, их делает такими бедность и безграмотность, а это — следствие социального неравенства.

Нельзя сказать, что автор однобоко осуждает пороки высокородной прослойки общества, среди них он так же выделяет положительных персонажей (как и среди низших отрицательных) и красочно описывает их. Но все же отмечает, что богатые дети слишком избалованы, живут в своем узком мире и не желают видеть жизнь за его пределами.

В картине мира Сибурапы прослеживается некая социалистическая идеализация, ведь лень и отсутствие стремления к учебе свойственны представителям любых слоев тайского общества, и, как ни странно, социальная несправедливость далеко не единственная причина отсутствия знаний. Автор же видит демократическую справедливость в доступности образования для всех слоев общества, а равенство рассматривает через просвещенность, что отчасти верно. Но так ли велика тяга самих тайцев к знаниям? И так ли правдивы сведения из летописей, к которым герои обращаются? [Сибурапа, 1958. С. 116]. Ведь писание тайских летописей было нацелено на прославление королевских побед, завоеваний и благодетели, а не на объективное отображение исторических фактов. Доблесть и жертвы простого народа в сражениях оставались не отмечены летописями.

Симпатии автора, конечно, находятся на стороне низшего класса, и главным его представителем становится мальчик из района Кхукхан (провинция Сисакет, Северо-Восточный регион), по счастливой случайности оказавшийся в столичной школе.

Повествование протекает очень медленно, сюжет слабо выражен, перебивается длительными рассуждениями автора, обеспокоенного состоянием общества — общества, попавшего в водоворот демократических преобразований, стремительных перемен и новых ценностей. Иногда авторские рассуждения затрагивают один и тот же вопрос по несколько раз, но ответов не получают. Помимо весьма выраженной идеологической нагрузки, к серьезным недостаткам книги можно отнести и то, что произведение не закончено: на последней странице сказано, что это — конец первой книги «Детство». Идея автора не достигла полноценного выражения. Повисла недосказанность. Читатель не узнает, какой удел писатель уготовил своим героям и почему. Если обратиться к датам жизни автора, то мы узнаем, что около двадцати лет (до своей кончины в июне 1974 г.) он прожил в Китае — стране, предоставившей политическое убежище ему как диссиденту из Таиланда. С момента написания первой части прошло более двадцати лет. Следовательно, автор вряд ли не успел закончить произведение, скорее всего, он потерял интерес к этой работе или просто не знал, чем ее продолжить, предоставив читателю право додумывать, как демократические идеалы приживутся в тайском обществе.

Еще одна небольшая книжка в мягкой обложке — перевод новелл «прогрессивных» (как в то время ак-

туально было штамповать) писателей Таиланда называлась «Ассигнация в сто батов».

Сначала обратимся к предисловию, написанному известным бирманистом Ю. М. Осиповым. Следуя атеистическим установкам своего времени, переводчик и ученый рассматривает буддийский пласт литературы как «непонятный и чуждый народным массам». Нельзя не отметить, что буддийский компонент присутствует практически в любом произведении тайской литературы, начиная с фольклорных жанров. Религиозные мероприятия с обязательным слушанием джатак всегда были популярны и собирали в храмах людей. Буддийская мораль как джатаки, так и народной сказки воспитала не одно поколение тайцев и не могла быть чуждой. Народное творчество не изобиловало богатством сказочных сюжетов; многие из них и вовсе были заимствованы у соседей — кхмеров.

Помимо пылких высказываний об интересе читающей публики к «тяжелой участи угнетенного народа» (было ли это интересно малочитающим тайцам?) и о смелых, прогрессивных идеях современного человека (не нашедшихся в новеллах), мы видим довольно среднюю, хотя и не лишённую правдивости оценку современной тайской прозы:

Писателям подчас не хватает мастерства. Иной раз их захлестывает волна буддийского смирения и религиозности. Их выводы и утверждения нередко декларативны, позиции нечетки, взгляды противоречивы [Ассигнация в сто батов, 1968. С. 14].

Возможно, критика справедлива: тайские авторы порой проваливаются в бездну бесплодных псевдофилософских рассуждений, но стоит ли ждать от них того, чего жаждет советский исследователь?

Советским исследователем Э. О. Берзиным и путешественником-публицистом А. В. Кочетовым принято считать, что догмы буддизма настроили общество на «иллюзорное самоутешение и безразличие к классовому угнетению», отвлекая людей от борьбы за «социальную справедливость» [Кочетов, 1987. С. 59].

Идеи народовластия у тайцев никогда не возникло, ведь для этого было бы необходимо искоренить королевский институт. В мышлении народа король — это не только олицетворение бога плодородия, но и реинкарнация Будды. Без короля государство бессмысленно, а у народа нет Всеобщего Отца, как его с любовью именуют. Борьба ценой безбожия и варварства против пракультурных установок за социальную утопию невозможна.

Революционный дух, тот крепкий ментальный стержень, необходимый для борьбы и радикализма, у тайцев также отсутствует. Они миролюбивы, бесстрастны и пассивны. Как поясняют исследователи страны и сами тайцы, эти черты, их природные качества, в большей степени обусловлены географическим положением и климатическими особенностями.

Обратим внимание на самых именитых авторов сборника. Об одном из них, Сибурапе, мы уже рассказали. Следующий — это собственно автор новеллы «Ассигнация в сто батов» *Манат Тянрайонг*, уроженец провинции Пхетчабури (1907–1965 гг.).

У «короля новелл», автора тысячи коротких историй не было литературного образования. Он даже среднюю школу не закончил. Скитался по городам как фокусник с группой друзей, трудился клерком, преподавал музыку и чтение высокородным особам в Бангкоке. Обстоятельство, вынудившее его неожиданно взяться за перо, — желание блеснуть перед возлюбленной и превзойти конкурента, также претендовавшего на ее руку и сердце. Дама сердца принадлежала к древнему дворянскому роду Буннак. Первые творческие плоды начинающего писателя, как ни странно, оказались успешны: они удостоились положительных отзывов. Впоследствии журналистика на долгие годы становится его основным занятием. Работа в издательском деле приносит неплохой заработок. По совету своего коллеги Сибурапы, талантливый автор берется за публицистику — аналитические обзоры новостей, статьи и заметки о жизни общества. В те времена мастеров публицистики практически не было, этот жанр только-только зарождался, а тайский прозаический стиль в целом не выработался. Литературные критики считают, что у Маната Тянрайонга был свой собственный, неповторимый стиль, он не подражал западным писателям.

В новелле «Ассигнация в сто батов» автор затрагивает проблему бесправия крестьянского населения, их готовность идти на все, чтобы выжить, вплоть до продажи детей. Бедная, но симпатичная крестьянка Сун (ее имя можно перевести как «ноль») становится женой богатого, но немного китайского лавочника Нгиепа (его имя значит 'тихоня'), пожелавшего решить главную задачу жизни любого китайца — обзавестись потомством. Но не это самое любопытное: автор по ходу сюжета вскрывает язвы тайского характера, а также проблемы, не утратившие своей злободневности и по сей день. Падкость на деньги, сексуальная доступность, страсть к веселью и потехам, ради которых не жаль поставить на кон что угодно. Китайцы же, экономически более успешные, практичные, расчетливые, всегда воспринимались тайцами с неприязнью. Однако пассивность последних, нежелание работать, копить деньги и продумывать выгоду наперед — все это до сих пор никак не поменяло картину в сосуществовании двух наций в одной стране.

Следующий любопытный автор — *Лао Кхамхом* (настоящее имя Кхамсинг Синок). Родился в 1930 г. в провинции Накхон Ратчасима в семье крестьян. Успешно закончив школу, он поступил на факультет журналистики самого престижного столичного университета Тюлалонгкон. По специальности он работал недолго, потому что в те времена в журналистике свирепствовала цензура, свобода слова подавля-

лась. Начинающий писатель на некоторое время ушел в тень, переехал на север страны, получил должность в лесничестве и трудился в сельском хозяйстве.

Для последующей журналистской карьеры он взял псевдоним Лао Кхамхом. В своем творчестве писатель всесторонне описывал жизнь деревенского люда: его невзгоды, источники выживания (которыми подчас становились американские военные базы в Исане), надежды на обустройство в «небесном городе» (столице) и... разочарования. Социальное расслоение — одна из ключевых тем его произведений. Самый известный труд — сборник новелл «Небеса не противятся» («Фа бо кан»).

Новелла «Политик» — это панорама общества, в которое вошла демократия. Общества, где царит смута и хаос. И демократия, пришедшая на смену многовековой королевской власти, должна устранить этот беспорядок. Вместе с народными депутатами появляются предвыборные кампании и массовая агитация. Внимательный читатель, заметивший, как сатирически и где-то даже гиперболически автор преподносит происходящее, задастся вопросом: действительно ли общество ищет социалистический путь развития, как думают отечественные исследователи-востоковеды? Или же это ностальгия по уходящим временам миропорядка и покоя, прошедшим под королевским покровительством? Что мы видим? У народных избранников нет программ, нет идей, нет и четко сформулированных мыслей о том, что они могут сделать для населения. Кто-то обходится избитыми фразами, заезженными посулами, кто-то и вовсе подкупает избирателей. Народ же, в свою очередь, необразован, граждански пассивен и полностью лишен планов на будущее, о котором тайцы, живущие сегодняшним днем, и вовсе не задумывались. Какой выбор можно сделать при такой дезориентации? Люди по душевной наивности готовы избрать любого словоохотливого забулдыгу. И при честном подсчете голосов абсолютно любой может случайным образом победить. Автор фантастически обыгрывает ситуацию: на сырой почве новой и чуждой политической системы выходцы из народа приходят, не принося с собой ничего, и уходят, не оставляя о себе никакой памяти.

Несколько интересных новелл автора также публиковалось в сборнике «Восточный альманах». В новелле «Для улучшения породы» писатель со скабрёзным юмором в неподражаемой манере высмеивает приход элементов западного прогресса в тайскую деревню, все еще живущую анимистическими поверьями и предсказаниями знахарей и шаманов. Мысли крестьян далеки от духовной культуры и вращаются лишь вокруг пищевого вопроса. Каламбур создает параномазия (схожие по звучанию, но разные по смыслу слова), возникшая в процессе общения тайских крестьян и американца: артикуляторный аппарат тайца устроен так, что может воспроизводить только глухие смывные согласные на конце мертво-

го слога. Поэтому английское слово *yes* может прозвучать в искаженном произношении тайца как срамное слово [Восточный альманах, 1986. С. 192].

В новелле «Белый человек и крестьянин», не менее комичной, поднимается проблема зарубежной экспансии в Таиланд. Региональные территории, привлекающие плодородными землями, неизменно жарким климатом, богатой флорой и фауной, а также доверчивыми и необразованными жителями, становятся объектом инвестиционных интересов западных предпринимателей, что ставит под угрозу национальную целостность. Не зря же в Таиланде был принят закон, запрещающий иностранцам покупать земли и недвижимость! Актуальность затронутой проблемы еще и в том, что сами тайцы проявляют немалый интерес к иностранцам, воспринимая белого человека как эталон достатка и цивилизации. Тайское мировоззрение очень расположено к заимствованию чужого (а не созданию чего-то своего) и освоению новомодных тенденций зарубежных культур, что не всегда несет за собой положительные влияния на нацию в целом.

Новелла остросоциального характера «Лягушка с золотыми лапками» показывает предел обездоленности тайских крестьян, необразованность, издевательское отношение властей, которые, несмотря на все невзгоды населения, высмеивают многодетные семьи. У многодетного отца умирает сын, но, несмотря на это, мужчина вынужден явиться в уездную управу, чтобы получить обязательное пособие в 200 бат для тех, у кого пятеро и более детей. Неповиновение властям грозит неволей, а явка — унижениями.

Перед нами еще одна книга — «Избранные произведения писателей Юго-Восточной Азии», выпущенная в 1981 г. издательством «Художественная литература». В книге представлены четыре тайские новеллы: три из них ранее публиковались в антологии «Ассигнация в сто батов», а одна — «Тряпка» — принадлежит перу писательницы Мон Мети. Новелла затрагивает проблему нищенствующих детей. Герои просят подаяние возле одного из буддийских храмов и готовы постеречь машины посетителей за пару монет.

Биография писательницы — это тайна, покрытая мраком: не известны ни место, ни год рождения. Ее рассказы не переиздаются, а букинистические издания невозможно купить.

Мани Сукрасуянон — настоящее имя писательницы; она использовала еще один псевдоним — Районг Венурак — в написании стихов и эротических новелл. По одним сведениям, 12 мая 1969 г. новеллистка покончила с собой, приняв снотворный препарат. Причины ее поступка и подробности не освещаются. В 1970 г. вышел (посмертный?) сборник из девяти новелл Мон Мети под названием «Душа бурлит». Предисловие к нему написал известный писатель Ронг Вонгсаван, знавший новеллистку и охарактеризовавший ее таким образом: она была очень скромной, интеллигентной, небезразличной к людям, чувствительной и ранимой. Однако... в 1973 выхо-

дит второй сборник новелл Мон Мети «Пришла одна», где в аннотации, сопровождаемой черно-белым фото полной женщины, очень размыто говорится, что она писала о детях <...> и сейчас *продолжает* писать короткие новеллы. По другим сведениям, она эмигрировала в Америку. Хотя, нескладность и противоречивость всей этой информации позволяет предположить, что такой писательницы и вовсе не существовало в реальности — она была лишь творческой гранью известного автора, не осмелившегося подписать эти произведения подлинным именем.

Возвращаясь к антологии 1981 г., отдельное внимание хотелось бы обратить на краткие справки некоего Н. Хохлова об авторах. Все они выдержаны в пламенных интонациях и затрагивают не столько тайскую литературу и современных авторов, сколько курс Пентагона. Также мы узнаем из них, что отношения СССР и Китая переживали не лучшие времена: режим Полпота с подачи Китая поддерживался тайскими властями, а политический курс «конституционных монархистов» держал ориентир на западные капиталы. Все это осуждалось советскими исследователями, называвшими Таиланд отсталой аграрной страной, ставшей заложницей иностранных инвестиций.

О жизни Мон Мети в справке Н. Хохлова опять же ничего не говорится. Она представлена прогрессивной демократкой, живой и действующей, приверженной штампам о положении трудящихся, буржуазном мире, борьбе и т. д. [Избранные произведения писателей Юго-Восточной Азии, 1981. С. 441].

Если коснуться вообще советской научной публицистики, посвященной Таиланду, то авторы исследований с осуждением подчеркивали нежелание королевства развиваться, принимать социалистический путь, вести кровавую политическую борьбу. Насмешливо и снисходительно говорили об анимистических верованиях тайцев, порицали влияние буддизма на сельскую общину, чему предрекался скорейший конец после того, как общество станет грамотным и образованным. Скорейший конец, и правда, настиг — только не тайский буддизм. Вот таким читатель советских переводов мог увидеть Таиланд!

И вот наступило время, когда переводная художественная литература перестает зависеть от политического курса государства, и, словно большой корабль, подняв якорную цепь, отправляется в свободное плавание по волнам прозы под грифом индивидуально-авторского сознания. Можно читать любую литературу, переводить любых авторов вне зависимости от их убеждений и близости их чужестранному читателю. Политическая власть перестает задавать вектор близости и чуждости в выборе литературы для перевода. И это свободное от идеологических пут время, к сожалению, прекращает знакомить читателя с современной прозой стран Юго-Восточной Азии. Если Китай, Япония, Корея активно финансируют программы переводов как классической, так и

современной прозы в России, то литература стран Юго-Восточной Азии с ее богатым культурным колоритом ушла в тень. Эти страны ничто не мотивирует представлять свою литературу за рубежом.

Нежданно гостями из этого покинутого региона стали оригинальные переводы вьетнамского поэта Нго Ван Фу «Облака и хлопок» и тайского писателя Кхампхуна Бунтхави «Дети Исана». Новые, никому не известные имена азиатских литераторов взойшли, как звезды, лишь благодаря энтузиазму молодых переводчиков, выпускников Института восточных культур при РГГУ. Обе книги выпущены издательством «Гиперион»: вьетнамская поэзия в переводе Ю. Миной вышла в 2018 г., а тайская проза в переводе Ю. Боева — в 2019 г.

Кхампхун Бунтхави (1928–2003), публицист, прозаик, эссеист, уроженец провинции Убон Ратчатхани. Центральная тематика его творчества — описание образа жизни этнических лао Северо-Восточного региона страны (Исан), а также жизни деревенской общины. В некоторых рассказах автор описывал жизнь заключенных, собрав немало интересного о них в то время, когда работал надзирателем в тюрьме. Практически все его произведения берут за основу реальные истории.

Он стал обладателем премии «Национальный деятель искусства» («Синлапин хэнг чат»), которой награждаются не только выдающиеся литераторы, но и представители других творческих профессий, а также снискал высшую литературную премию, учрежденную организацией стран АСЕАН [Бунтхави, 2019. С. 5].

Кхампхун Бунтхави не писал романа как такового — жанра, так необходимого для указания в библиографической карточке книги. Это были очерки из детских лет автора, публиковавшиеся в периодическом журнале. Очерки завоевали популярность своим оптимизмом, юмористичностью и в то же время достоверностью, поэтому позже автор (по совету коллег) решил объединить их в цельное произведение. Возможно, именно из-за этой трансформации очерков в «роман» сюжет произведения слабо выражен, в нем нет ни конфликта, ни кульминации, столь необходимых в композиции. Несмотря на выстроенность повествования начать читать книгу можно с любой главы.

Об образовании

Писатель не получил никакого образования. Ему незнакомы догмы европейской теории литературы, жанра и композиции, выдержанные в традициях аристотелевской мысли. Тем и интересна проза такого автора: как движется самобытное сознание и транслирует приоритеты культуры вне каких-либо заданных рамок и шаблонов.

На примере деда главного героя «Детей Исана» мы видим, что получение образования (даже по религиозной стезе) было недоступно, а учеба в универ-

ситете требовала больших денег, каких у крестьян не водилось. С годами все существенно изменилось, книги стали доступны, однако тайцы не проявляют большого интереса ни к чтению книг, ни к учебе. А значит, винить бедность и социальное неравенство в необразованности преждевременно. Образование никогда не станет приоритетом тайского народа и не заглушит веру в то, что неблагоприятную судьбу можно исправить религиозным пожертвованием, а шаманские обряды помогут изгнать злого духа, вселившегося болезнью в тело.

О мировоззрении и мышлении тайцев в аспекте дихотомии Восток — Запад

В обзоре «Безвременье как выбор», опубликованном на ресурсе «Книжная ярмарка ДК им. Крупской»¹, критик Е. Хаецкая рассуждает о различии в мировосприятии западного и восточного человека в аспекте осмысления мира и ощущения времени. Тайцы не размышляют о будущем, не строят планов, не продумывают возможных потребностей, чем в корне отличаются от западных людей.

Конечно, мы не можем обобщить мировоззрение всех восточных народов одним умозаключением, однако схожий тип мышления жителей региона Юго-Восточной Азии, народов Австралии и Океании описан французским философом и антропологом Л. Леви-Брюлем. Из его тезисов следует, что первобытное мышление не работает вглубь, не решает сложных аналитических задач, а воспринимает только первичный пласт информации сквозь оболочку предметов. Тайское мышление помимо этого культивирует эстетическую составляющую вещи, оценивает ее полезность и качество, исходя из внешней красоты. В этом заметное отличие от западного типа мышления, где внешняя красота — ценность вторичная; в первую очередь ценится практичность, полезность, функциональность посредством аналитических выводов.

В научном мире была дискуссия, что концепция первобытного мышления Леви-Брюля породила расизм и истребление малых народов и культур. Вряд ли ученый ставил в исследовании идеологическую задачу: обелить белых и очернить черных. Ведь в первобытном мышлении можно выделить множество достоинств, и их совокупность может дать повод для дискуссии о целесообразности индивидуалистских идеалов и эволюции западной мысли.

Хотя в сюжете произведения «Дети Исана» и нет панорамы западной культуры, но о ней можно порассуждать на фоне восточной. С одной стороны, Запад — это святая святых прогресса, демократии, свободы слова. Постоянное стремление к толерантности, вседозволенности и непрерывному расширению границ сознания. Уже, казалось бы, достигли

¹ <https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/zapiski-iz-strany-nigde/bezvremene-kak-vybor.html> (дата публикации: 10.11.2018; дата последнего обращения: 16.09.2020).

потолка внутренней свободы, но, как ни странно, чем выше становится этот потолок, тем острее ощущается одиночество. Люди замыкаются, а общество рушится из-за отсутствия единства.

У наших же деревенских героев нет ничего, кроме нужды и голода. Безысходность выражается в постоянной монотонной визуализации палящего солнца, достигшего зенита, звона бубенцов уставших буйволов, пересохших меж на полях... Однако люди словно не замечают этого: они счастливы, дружны, верят в свои идеалы.

Можно сказать, что культура народов Востока сконцентрирована на консервации стереотипов, изначальных устоев, обычаев, табу; она с осторожностью относится к прогрессу и переменам, дабы выжить и не затеряться в конвейере глобализации. Значит, прогресс для них таит в себе разрушение? Тайская культура выбирает «срединный путь»: с одной стороны, она открыта для любых новинок как с Запада, так и с Востока, но, с другой стороны, сохраняет все традиционное, нажитое веками, не притесняя местные культуры нетайских народов, живущих на территории страны (прекрасный тому пример — глава «Узоры по телу» из «Детей Исана»). Возможно, именно за счет консервации культурных устоев и стереотипов восточное общество опережает западное по демографическим показателям и оно более здоровое с морально-нравственной точки зрения.

О роли буддизма и культа предков

Общеизвестно, что в Таиланде более 90 % населения исповедует буддизм. Буддизм тхеравады (старейшая буддийская школа Шри-Ланки) оказал глубокое влияние на тайское искусство и культуру. Однако, присмотревшись к происходящему в книге внимательно, стоит пересмотреть стереотипы и не утверждать поспешно, что сюжет произведения пронизан буддизмом. Буддизм в народной среде популярен, как тонкая золоченая оболочка, покрывающая прагматические установки — анимистические верования и культ предков. И некоторые фрагменты убедительно подтверждают, что же ценно для деревенской общины: герои стреляют в небо, чтобы поприветствовать предков или проститься с ними. В чем причина, по которой они не уезжают из захолустья в благодатные края?..

Персонаж, представляющий буддийскую религию, выглядит уродливо, комично, деспотично. Ничего кроме страха и отвращения герои к нему не испытывают. Это не мудрый старец, проповедующий терпение и усмирение желаний в период тяжелых погодных условий или же находящий какое-то целесообразное толкование причин бедствий... Он очень далек от приближения к нирване. А в чем польза этого старого монаха для деревенских жителей?..

Мы видим, что сердцевина народных верований, особенно в сельской местности, остается исконной,

неизменной, а буддизм, его роль, понимание его положений народу не чужды, но они приблизительны и условны. Несмотря на то, что религия определяет жизненные установки, нравственные и эстетические идеалы, непререкаемым авторитетом для жителей Таиланда на протяжении всей жизни остаются предки.

О роли пхумибуна и эволюции национального самоосмысления

Безусловно, неподготовленному читателю, не знающему практически ничего о политико-географической истории Таиланда и о культуре страны в целом, весьма непросто рассмотреть идейное содержание книги сквозь некоторые эпизоды, емкие, кротко недосказанные или неброские даже для внимательных глаз. Например, в главе «Охота на перепелок» шаман неспроста излагает известную исанскую легенду о таинственном предсказании на свитке и явлении пхумибуна (народного освободителя с магическими способностями). Это глубокий и значимый эпизод произведения. Мы видим, как слушатели с насмешкой отзываются о псевдогерое-спасителе. Но... если мы вернемся на десятки лет назад, то увидим, что пхумибун воспринимался отнюдь не так и играл важную политическую роль в истории региона. В прошлом Исан еще не имел крепких отношений с королевским центром Сиама, земли были относительно свободны и состояли из независимых общин (мыангов) с местными правителями (тяу мыангами), которые устанавливали партнерские отношения как с Лаосом, так и между собой, а каждый мыанг считал себя «маленькой страной». Жители идентифицировали себя с лаосцами, ведь родословная тяу мыангов своими корнями восходила к лаосским королевским династиям. У местных жителей не было потребности в составлении четкой карты и решении задачи, в состав какого государства они входят и частью чего их территория является. К тому же неплодородные солончаковые земли мало кого интересовали.

Вопрос о принадлежности исанских земель встал лишь после вмешательства французских колонизаторов, начавших делить лаосские земли и тем самым заставивших Бангкок поменять внутреннюю политику, заявить свои права на Исан на основании близкого кровного родства народов и длительных партнерских отношений с некоторыми мыангами под видом формального старшинства над ними. Протекторат Франции, как и протекторат Сиама, вызвал у местного населения, неожиданно обремененного большой данью, череду волнений и потребность в героическом освободителе, чья избранность и исключительность обусловлена буддийской миссией сошедшего на землю Майтрейи (Будды будущего), наличием тайных знаний и соответствующих внешних признаков (лакшан). Квинтэссенцией всего этого для некогда безмятежного исанского населения и становится пхуми-

бун², появляющийся неизвестно откуда и исчезающий в никуда.

Историки вправе задаться вопросом «А были ли они на самом деле?», ведь сведения об их личностях мизерны, расплывчаты и противоречивы. Не являются ли они вымышленными персонажами, созданными народным воображением уже после восстаний? Это было бы вовсе не удивительным, ведь тайская история с ее героями настолько мифологизирована, что порой сложно отличить факт от мифа. Этот таинственный божественный герой, не имеющий ничего общего с антикультурной материей крестьянина-революционера, неоднократно в истории региона воплощал собой надежду необразованного населения на освобождение от захватчиков и спасение от апокалипсиса. Он владеет священными буддийскими текстами, наделен магическим талантом, имеет опыт пострижения в монахи и пользуется сакральным авторитетом среди окружающих, включая многочисленную армию солдат. Однако всякий раз восстания подавлялись оружием королевского центра, что случилось и в тот раз, о котором гласит легенда в главе произведения.

Отречение от полумифического благодетеля и вынужденное согласие на протекторат недавно родившейся конституционной монархии под названием Таиланд, со слов героев, подсказывает нам, что зарождается национальное самосознание лаосцев, живущих уже на сиамских землях.

«Мы — лаосцы, но мы не в Лаосе, а по-прежнему в своем государстве, которое уже и не наше, а тайское, и Лаос теперь не друг, а враг! Кто мы?» Хотя дети, исполняя на утренней линейке гимн Сиам, порой и сомневаются в том, где они живут, у китайцев или вьетнамцев, но они уже могут постепенно ориентироваться на королевский центр в Бангкоке и воспринимать свой регион частью Таиланда. Это одна из граней переломного исторического момента в судьбе страны.

В целом тайская литература плохо представлена на русском языке, несмотря на популярность Таиланда среди туристов. У страны набралось немало поклонников. В советское время отказ от переводов тайской литературы объяснялся фундаментальными идеологическими расхождениями, отсутствием точек соприкосновения двух культур. Сейчас литература стран Юго-Восточной Азии не переводится не столько потому, что сам регион не заинтересован в финансировании проектов по переводам в России, а в большей степени потому, что идеологическая пропаганда через переводную литературу экзотических стран больше не актуальна. Зарубежная литература, переводимая на русский язык в настоящее время, предлагает беспристрастную прозу индивидуально-авторского сознания, иллюстрируя жизнь и ценности различных (пусть далеких от нас по духу) народов во всем ее многообразии.

Использованная литература

Ассигнация в сто батов, 1968: Ассигнация в сто батов. Новеллы писателей Таиланда / под ред. Ю. М. Осипова и др. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. 130 с.

Assignatsiia v sto batov. Novelty pisatelei Tailanda / Pod red. Iu. M. Osipova i dr. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1968. 130 s.

Banknote in one hundred baht. Novels of Thai writers / Edit. Iu. M. Osipov and etc. Moscow: Main edition of the eastern literature of the publishing house “Nauka”, 1968. 130 p.

Берзин, 1973: Берзин Э. О. История Таиланда. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. 320 с.

Berzin E. O. Istoriia Tailanda. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1973. 320 s.

Berzin E. O. History of Thailand. Moscow: Main edition of the eastern literature of the publishing house “Nauka”, 1973. 320 p.

Бунтхави, 2019: Бунтхави К. Дети Исана. СПб.: Гиперион, 2019. 320 с.

Bunthavi K. Deti Isana. SPb.: Giperion, 2019. 320 s.

Bunthavi K. Isan's children. St. Petersburg: Hyperion, 2019. 320 p.

Восточный альманах, 1986: Восточный альманах. Вып. 14. Светоч дружбы / сост. Т. П. Редько. М.: Художественная литература, 1986. 688 с.

Vostochnyi al'manakh. Vypusk 14. Svetoch družhby / sost. T. P. Red'ko. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1986. 688 s.

Eastern almanac. Release 14. Torch of Friendship / prep. by T. P. Red'ko. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986. 688 p.

Избранные произведения писателей Юго-Восточной Азии, 1981: Избранные произведения писателей Юго-Восточной Азии / сост. Н. Т. Федоренко. М.: Художественная литература, 1981. 527 с.

Izbrannye proizvedeniia pisatelei Iugo-Vostochnoi Azii / sost. N. T. Fedorenko. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1981. 527 s.

Favourite works of South-East Asian writers / prep. by N. T. Fedorenko. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981. 527 p.

Кочетов, 1987: Кочетов А. В. Золотой топор Вритры. М.: Мысль, 1987. 160 с.

Kochetov A. V. Zolotoi topor Vritry. M.: Mysl', 1987. 160 s.

Kochetov A. V. Gold axe of Vritra. Moscow: Mysl', 1987. 160 p.

² П х у м и б у н (букв.: ‘добродетельный человек’) — народный предводитель с магическими способностями.

Леви-Брюль, 1994: *Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

Levi-Briul' L. Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. М.: Pedagogika-Press, 1994. 608 s.

Lévy-Bruhl L. Primitives and the Supernatural. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 608 p.

Сибурапа, 1958: *Сибурапа*. Лицом в будущее. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 140 с.

Siburapa. Litsom v budushchee. М.: Izdatel'stvo inostranoi literatury, 1958. 140 s.

Siburapa. Looking Ahead. Moscow: Foreign literature Publisher, 1958. 140 p.

Nakkhiian reuuang san dee den, 1985: *Nakkhiian reuuang san dee den / Samaakhohm nakkhiian haeng bprathaeht thai*. Bangkok: Samnakphim bpraphansaan, 1985. 276 p.

Daehchaaboot, 2012: *Daehchaaboot S. Gaboht phrai reuu pheeboon*. Bangkok: Yipsee Groop, 2012. 256 p.

Yury A. Boev

On translations of Thai literature in the USSR and Russia

The article mainly covers few Russian versions of works by Thai writers since Soviet period till nowadays. The reasons why acute social novels of the certain Thai writers were nevertheless presented to Russian readers as well as the political position of some Soviet orientalists about Thai contemporary literature in general are researched there. The author gives a detailed analysis of these novels, biographies and works of some Thai writers. Special attention is paid to the latest translation of the novel 'Isan's children' by K. Bunthawi, into Russian. According to the author the novel wasn't based on political ideology relevant for Soviet period and interesting for oriental studies eventually. The article mainly covers few Russian versions of works by Thai writers since Soviet period till nowadays. The reasons why acute social novels of the certain Thai writers were nevertheless presented to Russian readers as well as the political position of some Soviet orientalists about Thai contemporary literature in general are researched there.

The author gives a detailed analysis of these novels, biographies and works of some Thai writers. Special attention is paid to the latest translation of the novel 'Isan's children' by K. Bunthawi, into Russian. According to the author, the novel wasn't based on political ideology relevant for Soviet period and interesting for oriental studies eventually.

Key words: Thailand, literature, history, translation.

Yury A. Boev — orientalist graduated IVKA RSUH.
petal-violet@yandex.ru